

МАТЕРИАЛЫ К БИОГРАФИЯМ ДЕЯТЕЛЕЙ ФОЛЬКЛОРИСТИКИ

ПИСЬМА М. Л. МИХАЙЛОВА ИЗ ЛИТЕРАТУРНОЙ ЭКСПЕДИЦИИ 1856—1857 гг.

Публикация Ю. Д. Левина

Писатель-революционер Михаил Ларионович Михайлов (1829—1865) на всем протяжении своей литературной деятельности проявлял глубокий интерес к народному творчеству. Уже в 1846 г., в самом начале своего творческого пути, он опубликовал две записанные им на родине уральские легенды: «Богул» и «Казак Трофим».¹ В 1848—1852 гг., находясь в Нижнем Новгороде, он предпринял сбор фольклорных произведений. «. . Я, блуждая по провинции, — писал он В. Р. Зотову 25 июня 1848 г., — собрал множество загадок, сказок и побасенок. . ». И 8 сентября того же года: «Хотел послать Вам <. . > десятка три простонародных загадок, собранных мною здесь, — да все такие либеральные! Цензура таких вещей не любит».²

К народному творчеству Михайлов подходил с позиций революционно-демократической этнографии и фольклористики. В нем он видел раскрытие духовной жизни народа. Он писал впоследствии: «Старинная песнь — почти единственный отклик, в котором доходит до нас народная дума <. . > Все, что волнует душу народа и просит внешнего выражения, переходит в песню, сказку, пословицу, и в этой безыскусственной, но верной форме переживает века, повторяется сотнями поколений и часто умирает только вместе с народом. Это самый твердый исторический памятник. . ».³

Михайлов широко использовал фольклорные произведения в своем творчестве.⁴ При переводах он уделял особое внимание поэтам, которые использовали темы и формы народных песен (Гейне, Беранже, Бернс и др.), а также перевел более десятка песен разных народов.

Когда в 1855 г. Морское министерство намеревалось послать литераторов в разные районы страны для изучения быта населения, занимающегося рыболовством и судоходством, Михайлов был одним из первых, кто согласился поехать. История этой командировки

литераторов, названной впоследствии «литературной экспедицией», в которой кроме Михайлова участвовали А. Н. Островский, А. Ф. Писемский, С. В. Максимов и другие писатели, уже освещалась в печати.⁵ Особо исследовалось и участие в экспедиции Михайлова.⁶ Кроме того, в разное время были опубликованы четыре письма Михайлова из экспедиции: по одному — Н. В. Шелгунову⁷ и Я. П. Полонскому⁸ и два — А. В. Дружинину.⁹

Цель настоящей публикации несколько дополнить документальными данными уже имеющиеся в печати сведения об участии Михайлова в литературной экспедиции. Публикуются три его письма к Д. А. Толстому,¹⁰ в то время директору канцелярии Морского министерства (с 1853 г.), и одно — к брату А. Л. Михайлову, а также некоторые связанные с Михайловым документы из «Дела канцелярии Морского министерства № 14686 о командировании литераторов в разные края России для собрания сведений, до морской части относящихся».¹¹

Приводим текст официального предписания, которое Михайлов, как и другие участники экспедиции, получил от управляющего Морским министерством Ф. П. Врангеля.

«Его высокоблагородию М. Л. Михайлову.

В С. Петербурге

29 ноября 1855 г.

№ 11606

Милостивый Государь

Михаил Ларионович!

Вследствие изъявленного Вами желания отправиться по поручению Морского министерства обозреть жителей Оренбургского края, занимающихся рыболовством и судоходством, для доставления статей по этому предмету в Морской сборник, прошу Вас обратить при сем особенное внимание на а) их жилища, б) их промыслы, с показанием обстоятельств, благоприятствующих и мешающих развитию оных, в) суда и разные судоходные орудия и средства, ими употребляемые, означая их названия и представляя, если возможно, их изображение на рисунке, г) физический их вид и состояние и д) преимущественно их нравы, обычаи, привычки и все особенности, резко отличающие их от прочих обитателей той же страны как в нравственности, так и в промышленном отношении, а равно и в речи, поговорках, поверьях и т. п. Если Вы найдете возможным подметить и другие характеристические черты обозреваемой Вами стороны и ее жителей, то совершенно от Вашего усмотрения будет зависеть вместить их в описание, как признаете за лучшее. Морское начальство, не желая стеснить таланта, вполне предоставляет Вам излагать Ваше путешествие и результаты Ваших наблюдений в той форме и в тех размерах, которые Вам покажутся наиболее удобными, ожидая от Вашего пера произведения, его достойного как по содержанию и изложению, так и по объему.

В продолжение поездки Вы будете получать на разъезды и содержание в пути по сту руб. сер. в месяц из комиссариатского департамента

мента Морского министерства и в число этой суммы выдано Вам будет перед отъездом вперед за шесть месяцев, независимо от вознаграждения за статьи, которые доставлены Вами будут в Морской сборник; подорожную по казенной надобности получите из канцелярии министерства, а вместе с сим я обращаюсь к генерал-губернатору оренбургскому и самарскому с просьбою оказать Вам зависящее действие в предстоящей командировке.

Примите уверение в совершенном моем почтении и преданности

Барон Врангель».¹²

Отъезд Михайлова предполагался в конце декабря 1855 г., 20 декабря ему была выдана подорожная на проезд в Оренбургскую губернию и обратно¹³ и 600 руб. денег; начисление ему денежного содержания началось с этого срока. Однако Михайлов задержался в Петербурге. 7 февраля 1856 г. он участвовал в любительском спектакле в салоне М. Ф. Штакеншнейдер,¹⁴ а 11 февраля написал в альбом Л. П. Шелгуновой стихотворение «Перепутье». Отъезд его состоялся 13 февраля 1856 г., как это видно из письма Л. П. Шелгуновой к Я. П. Полонскому от 13 февраля 1857 г.: «Сегодня год отъезда Михайлова».¹⁵

Через полгода, не получая обещанных денег (к этому времени ему причиталось еще 200 руб. сверх суммы, полученной при отъезде), Михайлов обратился к Толстому со следующим письмом:

«Милостивый Государь,
Граф Дмитрий Андреевич.

Не получая до сего времени назначенного мне пособия, ассигнованного из сумм Морского министерства на разъезды мои по Оренбургской губернии, и стесняясь в расходах, сопряженных с путешествием, я почтительнейше прошу ваше сиятельство принять на себя труд исхлопотать высылку мне единовременно за второе полугодие поездки моей жалованья. Это тем более необходимо, что в скором времени я намерен отправиться в поездку от верховий Урала до Каспийского моря, поездку, которая продолжится, вероятно, несколько месяцев и прервет все мои сношения с центром края.

До сих пор я не выслал еще в редакцию „Морского сборника“ ничего из моих путевых заметок, потому что все время мое было посвящено на разъезды и собрание материалов по Белой, Уфе, Ику, Деме и другим рекам. Собранные мною сведения составят довольно стройную этнографическую картину Башкирии, доныне никем обстоятельно не описанной; но, будучи лишен некоторых ученых пособий, я должен отложить окончательную обработку моих трудов до возможности пользоваться петербургскими библиотеками. Вероятно, мне не будет вменено в вину такое замедление, потому что от него зависит достоинство моего труда.

Упомянутую сумму денег имею честь покорнейше просить ваше сиятельство приказать выслать на имя мое в город Уфу.

Примите уверение в чувствах глубочайшего уважения и совершенной преданности, с коими имею честь быть

вашего сиятельства покорнейшим слугой.

Мих. Михайлов

Уфа.

28 августа 1856 ».¹⁶

Письмо было получено в канцелярии Морского министерства 6 сентября 1856 г., и Толстой наложил на него резолюцию: «Если он имеет право получить эти деньги, то сообщить комиссариатскому департаменту». 10 сентября Толстой обратился в комиссариатский департамент Морского министерства с просьбой высыпать Михайлову по 100 рублей ежемесячно в Уфу; после чего Михайлову было выслано 100 рублей.¹⁷ 19 октября в канцелярии министерства было получено письмо от 8 октября оренбургского и самарского генерал-губернатора В. А. Перовского к управляющему Морским министерством Ф. П. Врангелю, в котором сообщалось: «В настоящее время г. Михайлов обратился ко мне с изъяснением затруднительного положения, в коем он находится от недостаточности предоставленных ему средств вообще и от несвоевременной высылки положенного ему содержания. — Назначенная г. Михайлову ежемесячно сумма не покрывает издержки дальних переездов при существующей в некоторых местностях дороговизне, — так что по объяснению его, он должен был израсходовать из собственных 750 руб. и затем, не имея средств продолжать разъезды, вынужден оставаться на месте, в г. Уфе, опасаясь притом от недостатка средств потерять случай быть в наступившую осень в тех местах здешнего края, где для специальной цели его командировки представились бы весьма любопытные и разнообразные предметы. Оказанное ему мною из местных источников небольшое пособие не могло отстранить этих неудобств». В заключение Перовский запрашивал Врангеля, не сочтет ли тот возможным «исходатайствовать г. Михайлову суммы в возврат израсходованных им собственных денег и на покрытие предстоящих издержек».¹⁸

24 октября Толстой направил отношение комиссариатскому департаменту о высылке Михайлову 300 руб., так как он получил только 700 руб., хотя со времени выдачи подорожной прошло уже десять месяцев. Тогда же Врангель сообщил Перовскому, что «Морское министерство не считает подлежащим удовлетворению ходатайство г. Михайлова».¹⁹

26 ноября 1856 г. Д. А. Толстой разослал циркулярно всем командированным литераторам следующий запрос: «По воле государя великого князя генерал-адмирала имею честь покорнейше просить Вас, милостивый государь, доставить мне для доклада его высочеству сведения о том, к какому сроку и какие статьи Вы предполагаете изготовить для помещения в Морском сборнике».²⁰

Михайлов отвечал уже в начале 1857 г.:

«Ваше сиятельство,
Граф Дмитрий Андреевич.

В конце ноября прошлого 1856 года, в отношении своем в комиссариатский департамент Морского министерства, я писал о намерении возвратиться из командировки в Оренбургский край в конце текущего января месяца.²¹ Ныне ход моих занятий требует для успешного окончания отсрочки возвращения моего еще на три—четыре месяца. Поэтому я имею честь покорнейше просить ваше сиятельство сделать распоряжение о высылке мне положенного содержания и начиная с 20 января по 20 мая.

Считаю обязанностью исчислить здесь все, что по настоящее время сделано мною по моему поручению: я могу теперь определительно сказать, какого содержания и объема будут труды, которые я изготавляю для „Морского сборника“.

Это, во-первых, сочинение под заглавием: „Очерки Башкирии“, которое должно составить том около пятнадцати печатных листов. Чтобы ближе познакомиться с бытом жителей этой огромной части Оренбургского края, я нарочно изучил татарский язык, что дало мне возможность собрать много памятников башкирской народной поэзии: сказок, былин и песен, доныне неизвестных, и близко узнать верования, обычаи, исторические предания и настоящее положение Башкирии. Вот содержание моего первого труда.

Второй труд, под названием: „От Уральска до Гурьева“ (такого же, если не более, объема) будет заключать в себе этнографическое и историческое описание уральцев — их быта и промыслов — как по Уралу, так и в Каспийском море.

Для первого труда у меня собраны и отчасти приведены в порядок все материалы; но кочевая жизнь не позволила еще мне дать им должную обработку.

Из второго же труда в настоящую минуту у меня готово вчерне несколько больших статей, из которых четыре, а именно: 1) Уральск, 2) Багренье царского куса, 3) Малое и 4) Большое багренье, будут доставлены в марте месяце к вашему сиятельству, для передачи их в редакцию „Морского сборника“.

О нескольких мелких статьях, которые могут быть со временем извлечены из моих путевых заметок о других местностях края, я не упоминаю.

В заключение позволю себе просить ваше сиятельство исходатайствовать мне, если возможно, единовременную высылку содержания по 20 мая (по-прежнему в Уфу), потому что дробное получение денег крайне затрудняет меня в моих разъездах, заставляя оставаться на иных местах долее, чем того требовали бы мои занятия. Смею надеяться, что Министерство не откажет мне в этом пособии; ибо я готов отказаться от вознаграждения за мои статьи, если они будут оценены редакциею „Морского сборника“ ниже издержек, употребленных на мою поездку. Думаю, однако ж, что в трудах моих найдется кое-что нового и для публики, и для науки.

С чувствами истинного уважения и совершенной преданности
имею честь пребыть

вашего сиятельства покорнейшим слугой.

Мих. Михайлов

Уральск
22 января 1857».²²

На письме кроме текста Михайлова имеется несколько надписей: дата получения в канцелярии Морского министерства «7 февраля 1857»; резолюция Толстого: «Кажется, его высочество назначил годовой срок, по истечении которого содержание прекращается»; пометка другой рукой: «Прошу Константина Яковлевича справиться с делом и поговорить со мною»; пометка канцелярии: «Писано М. Л. Михайлову 13 февраля № 557».

В этом письме от 13 февраля 1857 г. Толстой отвечал на просьбу Михайлова о продлении командировки: «... за предписанием его императорского высочества генерал-адмирала от 20-го августа 1855 г., „отправить литераторов на год в разные края России“, я не считаю себя вправе ходатайствовать о высылке Вам содержания с 20-го января по 20-е мая сего года, ибо срок командировки Вашей кончился уже в декабре 1856 г., и Вы по это время, как видно из справки комиссариатского департамента, удовлетворены сполна следовавшими Вам деньгами».²³

Однако истечение срока являлось, по-видимому, лишь формальным поводом для отказа Михайлова в продлении командировки (показательно, что в предписании, полученном им 29 ноября 1855 г., никакого срока обусловлено не было). Как видно из документов «Дела о командировании литераторов», С. В. Максимов и А. С. Афанасьев-Чужбинский, тоже участники литературной экспедиции, получили продление командировки, а Афанасьеву-Чужбинскому было даже увеличено содержание до 150 руб. в месяц. Весьма вероятно, что Морское министерство не было удовлетворено идейной направленностью работ Михайлова, предпринявшего глубокое этнографическое исследование с демократических позиций, и поэтому прекратило командировку.

Содержащиеся в письме сведения о собранных Михайловым материалах пополняются его письмом Н. В. Шелгунову от 25 февраля 1857 г., в котором он сообщал другу о своих занятиях. «В статьях моих об Оренбургском kraе, — писал Михайлов, — будет, надеюсь, кое-что новое. Надо тебе заметить, что я, между прочим, выучился, сколько успел, по-татарски, что и дало мне возможность заняться совсем не тронутым предметом — башкирскими преданиями, которыми полна Оренбургская губерния. Нет такой реки, нет такой горы, про которую не существовало бы легенды или песни. И таковых собрал я изрядное количество. Кроме текстов, записал даже несколько мелодий с помощью брата <...> Кроме очерков Башкирии, значительную часть моих заметок об Оренбургском kraе составит описание уральских казаков. Везде стараюсь, по мере возможности, говорить

откровенно, без прикрас о положении края. Гадостей несть числа. Образчик моих рассказов увидишь ты в апреле в „Морском сборнике“. Это описание багрения. Боюсь, что половина его застрияет в цензуре”.²⁴ Впоследствии знакомый Шелгунова востоковед П. И. Пашинин вспоминал, что Михайлов привез из экспедиции «очень много материалов на татарском языке, касающихся башкирских бунтов».²⁵

Одновременно с приведенным выше письмом Толстому Михайлов послал письмо в Уфу своему младшему брату Андрею Ларионовичу. А. Л. Михайлов помогал писателю в сборе башкирского фольклора, в частности он записывал мелодии народных песен (как видно из цитированного письма к Н. В. Шелгунову).

«Уральск, 22 янв^{аря} 1857.

Милый друг и брат Андрей, спасибо тебе за известие о письмах, полученных на мое имя. Жаль, что ты не присыпал мне их. На днях я вернулся с багренья, верст за 200 отсюда; но поездку в Гурьев отложил до весны, потому что, как ты знаешь, я хочу до весны пробыть в Оренб^{ургском} краю. Тотчас по получении денег я поеду в Оренбург, и может быть буду в Уфе — не наверное однажды. На багренье я изрядно простудился, и все тоска со мной какая-то, сам не знаю, отчего. Хочется в П^{етер}б^{ург} ехать, а между тем вижу, что это невозможно раньше весны — многое и многое остается еще посмотреть и изучить. Собственно говоря, с уральцами следовало бы и целый год прожить, чтобы познакомиться с ними поближе. Скоро ли ты отправляешься в Верхнеуральск, и отправляешься ли? С открытием весны я буду там непременно: поднимусь вверх по всему Уралу. Экой ты какой, что писем ко мне не выслал! Какое бы они мне удовольствие доставили! Поцелуй сестру, Григория Петровича,²⁶ тетушку и Лизуку и кланяйся от меня Барановским и Трахимовским.

До свиданья, голубчик. Больше писать нечего.

Друг и брат твой

Михаил».²⁷

Предполагавшаяся поездка Михайлова в Верхнеуральск, очевидно, была связана со сбором материалов по истории Башкирии и с особым интересом писателя к народным движениям. В середине XVIII в. в северо-восточной части Оренбургской губернии, в которой был расположен Верхнеуральск (до 1775 г. — Верхояицк), происходили частые волнения башкир и мещеряков; особенно сильным был так называемый Бурзянский бунт в 1755 году.

Письмо М. Л. Михайлова было переслано его братом Я. П. Полонскому. В сопроводительном письме от 19 февраля 1857 года А. Л. Михайлов писал: «Из Уфы брат Миша выехал еще в конце ноября м-ца прошлого года, хотел описать багренье рыбы в Уральске и затем отправиться в Петербург. Все это хотел он привести в исполнение к январю м-цу; но оказалось, что он до сих пор гостит еще в земле Уральского войска. Последнее письмо его ко мне, от 22 января, я прилагаю при сем; из него Вы узнаете план его будущих странствий по нашему обширному краю. Брат писал мне, что он

приготовил уже 4 статьи для Морского Сборника под заглавием: „По Уралу реке“, и что он писал в Морское министерство о необходимости пробыть в здешнем крае до весны». И далее: «Начал он писать целую кучу повестей, рассказов и очерков, но ничего окончательно еще не сделал. В Петербург он вернется с громадным запасом материалов, и уже дело людей, расположенных к нему, — заставить его окончить что-нибудь из этих начатков: сам он после долгой разлуки с Петербургом вряд ли примется за это дело с должным рвением».²⁸

Последнее письмо к Толстому Михайлов писал уже из Москвы на обратном пути в Петербург.

«Ваше сиятельство,
Граф Дмитрий Андреевич.

Неожиданная и продолжительная болезнь удержала меня в Оренбургском крае более, нежели я рассчитывал, и не дала мне возможности подготовить там первые из ряда статей моих для „Морского сборника“. Ныне я приехал в Москву полубольной и вероятно нескоро буду в Петербурге; но в настоящее время я деятельно занимаюсь приведением в порядок моих записок, и вскоре доставлю их в Редакцию.

С глубоким уважением и совершенною преданностию имею честь быть

вашего сиятельства покорнейшим слугой.

Мих. Михайлов

Москва
4 июня 1857».²⁹

На письме входящий № 3700 канцелярии Морского министерства, дата получения «6 июня 1857» и резолюция «К свиданию».

Хотя Михайлов и писал о своем намерении задержаться в Москве, в действительности он уже 6 июня приехал в Лисино (Царско-сельский уезд Петербургской губернии), где находилось учебное лесничество Министерства государственных имуществ, в котором служил Шелгунов.³⁰

Завершение Михайловым работ задержалось. В «Справке о литераторах, командированных от Морского министерства в разные края России», составленной в канцелярии министерства в сентябре 1858 г., указано: «Михаил Михайлов статей еще не представлял».³¹

Как известно, впоследствии Михайлову удалось опубликовать только один очерк, написанный по материалам экспедиции, — первый из намечавшейся им серии «Уральских очерков».³² Все остальное было отклонено Морским ученым комитетом, через который должны были проходить рукописи для «Морского сборника». Богатейшие же материалы, собранные Михайловым, были забраны в 1861 г. при аресте и, очевидно, погибли в III Отделении.³³

¹ Иллюстрация. 1846. Т. 2, № 1. С. 5—6; № 12. С. 190.

² Литературный архив . М.; Л., 1961. Т. 6. С. 150, 157. В издававшейся Зотовым «Литературной газете» Михайлов опубликовал тогда две татарские

легенды «Неверный бек» и «Голубь» (1848, № 35. С. 551—553). Для напечатания их Зотову пришлось преодолеть сопротивление цензуры (см.: Литературный архив. Т. 6. С. 158).

³ Л. М. [Михайлов М. Л.]. Песни, собранные П. В. Киреевским... // Русское слово. 1860. № 11. Отд. 2. С. 33.

⁴ См.: Колесница И. М. Фольклор в творчестве М. Л. Михайлова // От Грибоедова до Горького. Из истории русской литературы. Л., 1979. С. 41—52.

⁵ См.: Максимов С. Литературная экспедиция (По архивным документам и личным воспоминаниям) // Русская мысль. 1890. Кн. 2. С. 17—50; Пыпин А. Н. История русской этнографии. СПб., 1891. Т. 2. С. 55—61; Черных Л. В. Литературная экспедиция 1855 года. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1950. 13 с.

⁶ См.: Мещерский Н. Михаил Ларионович Михайлов и его литературная командировка в Оренбургский край // Степные огни: Литературно-худож. сб. Чкалов, 1941. № 4. С. 152—181; Прянишников Н. Е. Писатели-классики об Оренбургском kraе. Чкалов, 1951. С. 91—102; Он же: Писатели-классики в Оренбургском kraе. 2-е изд. Чкалов, 1956. С. 128—143; Черных Л. К вопросу об изучении М. И. Михайлова жизнью народов Башкирии // Литературная Башкирия: Альманах. Уфа, 1956. Вып. 6. С. 154—165; Фатеев П. С. Михаил Михайлов — революционер, писатель, публицист. М., 1969. С. 162—168 (Литературная экспедиция).

⁷ См.: Шелгунов Н. В., Шелгунова Л. П., Михайлов М. Л. Воспоминания: В 2 т. М., 1967. Т. 1. С. 115—116.

⁸ См.: Шестидесятие годы: Материалы по истории литературы и общественному движению. М.; Л., 1940. С. 445.

⁹ См.: Письма к А. В. Дружинину (1850—1863). М., 1948. С. 213—215 (Летопись Государственного литературного музея; Кн. 9).

¹⁰ Толстой Дмитрий Андреевич, граф (1823—1889) — государственный деятель, один из вдохновителей реакции пореформенного периода. В 1863 г. был в числе сенаторов, судивших Н. Г. Чернышевского. С 1865 г. — обер-прокурор синода, а с 1866 г. — министр народного просвещения. С 1882 г. до смерти — министр внутренних дел и шеф жандармов.

¹¹ Хранится: ЦГАВМФ, ф. 410, оп. 2, № 1069. Отрывки из двух первых писем Михайлова к Д. А. Толстому публиковались еще С. В. Максимовым в его статье «Литературная экспедиция» («Русская мысль». 1890. Кн. 2. С. 32—33), но с ошибками иискажениями, и в таком неудовлетворительном виде неоднократно цитировались последующими исследователями.

¹² ЦГАВМФ, ф. 410, оп. 2, № 1069, л. 30—32.

¹³ Там же. Л. 53—54.

¹⁴ См.: Шакеншнейдер Е. А. Дневник и записки (1854—1886). М.; Л., 1934. С. 117—119 (запись от 11.02.1856 г.).

¹⁵ ИРЛИ (Архив Я. П. Полонского), 12628/ЛЧ б. 7, л. 15.

¹⁶ ЦГАВМФ, ф. 410, оп. 2, № 1069, л. 178—178 об.

¹⁷ Там же. Л. 179.

¹⁸ Там же. Л. 193. Это же письмо с разночтениями по копии Оренбургского архива см.: Фатеев П. С. Указ. соч. С. 164. Об обращении Михайлова к Перовскому см.: Мещерский Н. Указ. соч. С. 165—167. Там же отрывок письма Михайлова к Перовскому от 8.09.1856 г. Более пространный отрывок этого письма см.: Фатеев П. С. Указ. соч. С. 163—164.

¹⁹ См.: ЦГАВМФ, ф. 410, оп. 2, № 1069, л. 194—195 об; отрывок письма Евангелия см.: Мещерский Н. Указ. соч. С. 168.

²⁰ ЦГАВМФ, ф. 410, оп. 2, № 1069, л. 211.

²¹ Это письмо неизвестно.

²² ЦГАВМФ, ф. 410, оп. 2, № 1069, л. 227—228.

²³ Там же. Л. 234—234 об.

²⁴ Шелгунов Н. В. и др. Указ. соч. Т. 1. С. 115—116.

²⁵ Пашиной П. И. Литературные воспоминания. Знакомство с М. Л. Михайловым и Н. В. Шелгуновым // Минута. 1882. 21 мая.

²⁶ Г. П. Забусов — офицер, муж сестры Михайлова.

²⁷ ИРЛИ, 12278/LXX б. 2, л. 24. Отрывок из письма опубликован: П р я-
н и ш н и к о в Н. Е. Писатели-классики об Оренбургском крае. 1951. С. 94.

²⁸ ИРЛИ, 12276/LXX б. 2.

²⁹ ЦГАВМФ, ф. 410, оп. 2, № 1069, л. 244.

³⁰ См.: Шестидесятые годы: Материалы по истории литературы и обще-
ственному движению. С. 445 (письмо Михайлова к Я. П. Полонскому от 7.06.
1857 г.).

³¹ ЦГАВМФ, ф. 410, оп. 2, № 1069, л. 310.

³² Морской сборник. 1859. Т. 43, № 9, ч. неофиц. С. 1—29.

³³ Это предположение высказывалось еще в заметке П. И. Пашино (см.
выше, примеч. 25).